

rocketbook

РОМАН СЕНЧИН

Елтышевы

Роман Валерьевич Сенчин

ЕЛТЫШЕВЫ

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=666805
Сенчин Р. Елтышевы: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-35738-3

Аннотация

«Елтышевы» – семейный эпос Романа Сенчина.

Страшный и абсолютно реальный мир, в который попадает семья Елтышевых, – это мир современной российской деревни. Нет, не той деревни, куда принято ездить на уик-энд из больших мегаполисов – пожарить шашлыки и попеть под караоке. А самой настоящей деревни, древней, как сама Россия: без дорог, без лекарств, без удобств и средств к существованию. Деревни, где лишний рот страшнее болезни и за вязанку дров зимой можно поплатиться жизнью.

Люди очень быстро теряют человеческий облик, когда сталкиваются с необходимостью выживать. И осуждать их за это может только тот, кто сам прошел путь возвращения: от успеха и денег – к нищете и страху, от сытости – к голоду и холоду...

Сенчин жесток и не жалеет никого – но в этой жестокости кроется очищение. После «Елтышевых» не так-то просто будет сказать привычное «люблю». Это слово для вас изменится на вкус...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	20
Глава третья	32
Глава четвертая	41
Глава пятая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Роман Сенчин

Елтышевы

Глава первая

Подобно многим своим сверстникам, Николай Михайлович Елтышев большую часть жизни считал, что нужно вести себя по-человечески, исполнять свои обязанности, и за это постепенно будешь вознаграждаться. Повышением в звании, квартирой, увеличением зарплаты, из которой, подкапливая, можно собрать сперва на холодильник, потом на стенку, хрустальный сервиз, а в конце концов – и на машину. Когда-то очень нравились Николаю Михайловичу «Жигули» шестой модели. Мечтой были.

Что-то, конечно, сбывалось. Дали двухкомнатную квартиру, правда, получая ключи, ни сам Николай Михайлович, ни жена не придали значения тому, что квартира эта ведомственная, – просто радовались. Квартира была просторной, огромной казалась, и двое сыновей, девятилетний Артем и шестилетний Денис, даже носясь по ней ураганом, разбрасывая игрушки, не мешали, не путались под ногами, как раньше. Каждому хватало места... В звании худо-бедно, но повышали – от сержанта до старшего лейтенанта Николай Михайлович продвигался почти в соответствии с выслугой лет.

И зарплата тоже позволяла подкапливать, и в восемьдесят седьмом купили машину, пусть не шестую модель, а третью, с рук, с пробегом сорок тысяч километров, но все же... Плохо, что участок под гараж долго не давали – стояла машина во дворе, постепенно поедаемая по низу кузова ржавчиной. Зато потом удалось купить гараж готовый – заливной, с печкой, подвалом, смотровой ямой. Отличный гараж. А когда «Жигули» износились, продали на запчасти, добавили денег, взяли «Москвич» двадцать один сорок один.

Да, до поры до времени жизнь текла пусть непросто, но в целом правильно, как должно. Вместо черно-белого «Рекорда» появился сначала цветной «Рубин», а потом «Самсунг», вместо громоздкого фанерного серванта – высокая, изящная, вместительная стенка. Старший сын, Артем, закончил школу, и не восьмилетку, как когда-то Николай Михайлович (вынужден был идти работать – матери четверых детей было не прокормить), готовился поступать в пединститут, на истфак; младший учился в школе неплохо, боксом занимался. Жена работала в центральной библиотеке города...

Тот момент, когда, как в сказке про богатыря, нужно было выбрать путь, по которому двинуться дальше, Елтышев проспал. Точнее, не момент это был, а несколько тягостных и в то же время суматошных, переломных, как оказалось, лет. Да и не спал Николай Михайлович, а наблюдал, взвешивал, примеривался, не веря, что ход жизни ломается всерьез и появляется шанс вырваться вперед многих.

Позже, больно сжимая кулаки, Николай Михайлович вспоминал, как ему предлагали увольняться со службы, «заняться делом», «вступить в долю», как появлялась то одна, то другая возможность действительно изменить судьбу. Но он не решался. Может, и правильно поступил – пять-шесть человек из тех, кто предлагал, быстро не стало. Убили. Еще нескольких посадили, но некоторые жили теперь так, что не подойти, – они на другом уровне. Хм, как в сложной компьютерной игре, на выигрыш в которой можно потратить годы... Да, не согласившись пойти с ними, испытать те опасности, что ждали на пути к настоящему, теперь приближаться к победителям Елтышев не имел права. Нужно было или смириться со своей участью, или попробовать их догнать, а значит, стать их конкурентом, соперником. Правда, исчезли уже те возможности, какие были в начале девяностых, когда с нуля – горлом, кулаками, за бутылку коньяка – можно было завести свое дело. Открыть бизнес. Да и возраст... Пятьдесят все-таки.

Постепенно росло, обострялось раздражение. Раздражала съездившаяся от вещей и выросших сыновей, располневшей жены квартира; раздражало гудение газовой колонки, которой когда-то, после житья в бараке, так радовались; раздражала служба, однообразная, отупляющая, несмотря на все усилия, не приносящая нормальных денег; раздражали дорогие машины на улицах, нарядные витрины, пестрые людские ручьи на тротуарах. И самое обыденное раздражало – каж-

дый вечер, раздевшись, ложиться в кровать, зная, что уснет не скоро, еда раздражала, вся какая-то безвкусная, пресная, но которую необходимо запихивать в рот, разжевывая попорченными зубами, глотать; шнурки раздражали, выщербленная бетонная лестница в подъезде... «Вот так все это и будет, – долбилось в мозгу чугунной гирькой, – так и будет». И иногда вдруг пронизывала боязливая, почти старческая мысль: «Лишь бы не хуже».

Но многие завидовали Николаю Михайловичу. После длинной очереди, нешуточной борьбы ему удалось получить должность, считавшуюся блатной: дежурный по вытрезвителю. И поначалу Елтышев радовался каждому дежурству – дежурил сутки через трое, – ожидал чего-то чудесного... Да нет, не «чего-то», а вполне реального пьяного вусмерть богатея с набитыми деньгами карманами.

Случаи такие, если верить вытрезвительским преданиям, бывали, и тогда дежурные сами в мгновение ока становились богатыми. А один за пару месяцев собрал таким образом себе на «Тойоту»...

Елтышеву не то чтобы совершенно не везло, но приработок был неизменно мелким, оскорбительно убогим, и дежурство в основном уходило на пустую грязную возню с подзаборными алкашами. И в конце концов он потерял веру в счастливый случай, на дежурство шел через силу, с чувством обиды. Обиды, хоть и старался в этом не признаваться, на самого себя.

Та, как оказалось, последняя смена началась обыкновенно – к пяти часам вечера двадцать четвертого апреля две тысячи второго года выспавшийся, плотно пообедавший, но какой-то застарело усталый Елтышев вошел в дежурное помещение.

Вырезвитель размещался в самом центре города, но со стороны был неприметен – так, одноэтажное серое зданьице с маленькими пыльными окнами. Но знающие, что находится здесь, старались обходить его подальше, тем более если были под мухой. И только милиционеры, врачи и родственники попавшихся шли сюда прямой дорогой, открывали толстую деревянную дверь и на время исчезали в темном, душном, жутковатом мирке...

В дежурке по разные стороны стола сидели старлей Пахомин, у которого Елтышеву предстояло принять суточную вахту, и парень лет двадцати пяти. Парень нахохлившийся, словно замерзший, лицо кислое.

– Ты пойми, – негромко, но убедительно, веско говорил Пахомин, – что выйти отсюда ты можешь, только уплатив штраф. Э? Двести шестьдесят четыре рубля. Сто двадцать у тебя имелось при себе. Нужно еще... э-э... еще сто сорок четыре. Округляем – сто пятьдесят. Э?

Николая Михайловича раздражало это дебильноватое пахоминское «э», но и сам он – замечал за собой – в разговоре с такого рода клиентами то и дело употреблял нечто подоб-

ное. Чтобы понятней было.

– Ну я же говорил сколько раз, – замямлил парень, – у меня нету...

– Найди, – перебил Пахомин. – Займи. Есть родственники, знакомые. Мы тебя свозить даже можем. Э? Мы возим.

Парень подвигал плечами. Молчал.

– С-слушай, – Пахомин начал терять терпение, – у тебя ни паспорта нет, никаких документов. В курсе – э? – я тебя могу на трое суток оформить. До выяснения личности. Как?

Парень молчал.

Николай Михайлович приподнял руку, взглянул на часы. До начала дежурства оставалось двадцать минут. А еще надо дела принять.

– Слушай, Виталий, – обратился он к Пахомину нарочито небрежно, даже как-то с веселинкой, – а вези его в отдел и оформляй на пятнашку. Чего нянчиться? Акт составите, что оказывал сопротивление, тут всю ночь колобродил...

Пахомин подхватил:

– Да, пускай пометет улицы, а лучше – сортиры попидорит. Я позабочусь. Э? – Захлопнул папку с квитанциями. – Давай поднимайся, – велел парню, – поехали в ГОВД. Там ночь перекантуешься, а завтра – суд.

– Ну, это, – парень испугался, – я же...

– Чего еще? – Старлей распялял себя. – Давай-давай.

– У меня тетка... У нее можно попробовать. Но она убьет.

– Кого эт убьет? – показно насторожился Елтышев.

– Ну, меня. Что я здесь...

– И правильно. Пить надо меньше. А оплату услуг медвытрезвителя еще никто не отменял. Э? – Пахомин обернулся к курящему возле обезьянника сержанту: – Серег, свози уважаемого. Далёко тетка-то живет?

– Да нет, не очень. За автовокзалом там...

– И ладушки. Найдешь сто пятьдесят рублей – возвращаем вещи, и гуляй-отдыхай.

Сержант вывел парня. На улице завелся «уазик».

Пахомин изможденно отвалился на спинку стула, прикрыл глаза.

– О-ох-х...

– Как оно? – зная ответ, из приличия спросил Елтышев.

– Да хреново. Одна нищета опять... Спать хочу... Еще этого мутанта ждать.

Елтышев покивал:

– Давай дежурство пока приму.

– Дава-ай.

Спустились в подвал, где в основном и размещался вытрезвитель, заглянули в камеры-палаты, в туалет, раздевалку. Все было в порядке. Поднялись обратно в дежурное помещение. Елтышев расписался в журнале.

– Что, накатим трофейной? – слегка повеселев, предложил Пахомин; выдвинул ящик стола. – «Московская» есть, «Колесо фортуны», «Земская». Э, какую?

– Без разницы... «Колесо».

Старлей достал бутылку, покрутил оценивающе.

– Да вроде нормал. И мужик приличный, с портфелем.

Какой-то юбилей, говорит, отмечали, переборщил.

– Наливай.

Алкоголем Николай Михайлович не увлекался, в запои не уходил, но выпить граммов двести всегда был не против. Водка действовала на него благотворно – не одуряла, а словно что-то смывала внутри, какой-то ядовитый налет.

У Пахомина оказалась и закуска – запечатанная нарезка лосося, круг копченой колбасы, беляши в целлофановом пакете, шоколад... Все это имели при себе попавшие в вытрезвитель за минувшие сутки.

– Ну, за удачу.

– М-да, удача не помешает.

Чокнулись пластиковыми стаканчиками...

Без нескольких минут пять появились двое сержантов и врачиха, полная, угрюмая тетка с мужским лицом – те, с кем предстояло Елтышеву отработать предстоящие сутки.

В начале шестого вернулся с деньгами паренек, получил вещи, квитанцию и был отпущен.

– Ну, все, – выдохнул Пахомин, сложив бутылки и еду в сумку. – Счастливо!

Николай Михайлович уселся за стол, огляделся, привыкая к помещению, стулу, обстановке.

Дежурка невелика, сумрачна, и несколько ламп не могут наполнить ее светом, жизнью... Стены шершавые, окрашен-

ные в бледно-зеленый цвет, два окна, зарешеченные, заросшие пылью, кажутся черными провалами. Вдоль стен – скамейки без спинок, слева от входа узкий обезьянник для буйных задержанных; стол стоит напротив входа, и почти за спиной Николая Михайловича – лестница. Скоро по ней поволокут пьяных, и снизу будут лететь крики, рычание блюющих и матерящихся алкашей. «Ох, как все надоело», – поморщился Елтышев.

Рядом с ним устроилась врачиха в белом, но застиранном до серости халате, открыла термос, налила в чашку кофе... Она никогда не пользовалась казенной посудой, электрочайником – все приносила из дому. «Брезгуй, брезгуй». И Николаю Михайловичу представилось, что она вдруг заболевает какой-нибудь кожной болезнью. Сыпь, раздражение, гноиники...

Он выдвинул ящик, где лежала оставленная Пахоминым ополовиненная бутылка «Колеса фортуны», стаканчики, шоколадка. Позвал сержантов:

– Что, орлы, перед работой по капле. За урожай...

Часов до десяти вечера было спокойно и скучно. Дэпэ-эсники и пэпээсники, конечно, доставляли задержанных, но по одному, изредка. Все пьяные были немолодые, как назло, безденежные. Падали на стул перед столом, за которым сидели Николай Михайлович и врачиха, тупо мычали, вяло доказывали, что почти трезвы.

Сержанты обшаривали их карманы, снимали с запястья, у кого были, часы. Елтышев производил опись вещей, составлял акт, врачиха давала медицинское заключение.

Потом сержанты вели их вниз. Заставляли раздеться, выдавали одеяла, запирали в камерах-палатах. Возвращались в дежурку, курили, зевали.

А после десяти стало повеселей. То и дело к дверям подъезжали «уазики» и «Жигули», в дежурку вводили или втаскивали клиентов. Двое-трое были в полном отрубе и при деньгах. Хоть и небольших, но все же. Радуюсь, что их не обобрали при задержании, Елтышев делал опись. Вместо «3320 рублей» у одного записал «1320 рублей», у другого вместо «2598 рублей» – «598 рублей». Мысленно получившиеся четыре тысячи поделил среди своих: по тысяче пятьсот им с врачихой, по пятьсот – сержантам.

Около двенадцати привезли сразу шестерых. Молодые парни, ершистые; пьяные, конечно, но больше – возмущенные задержанием. Одному даже руку пришлось заломить.

– У «Летучей мыши» взяли, – объяснил дэпээсник. – Там концерт сегодня, бухих будет до жопы.

– Вези-вези, – покивал Николай Михайлович. – Всем место найдем...

С парнями пришлось повозиться. Признавать свое алкогольное опьянение они отказывались, то предлагали договориться, то начинали угрожать и хамить; тот, кому заламывали руку, утверждал, что он журналист.

– Ну-ка, журналист, – не выдержала обычно молчаливая врачиха, – присядь десять раз.

– Что?! Я вам кролик подопытный, что ли?

– Тогда оформляем, – врачиха взяла ручку. – Фамилия-имя-отчество?

– Да с какой стати?!

– С такой – у тебя налицо вторая степень. Давай-давай документы.

Назвавшийся журналистом блядькнул и стал приседать. Его повело, завалился набок. Врачиха усмехнулась:

– Ну вот, а говоришь – нормальный.

– Да я устал просто!..

С горем пополам удалось обработать парней и спустить вниз. Денег при них оказалось в общей сложности тысяч пять, но забирать часть Елтышев опасался – все-таки не настолько пьяные. Еще начнут ходить куда-нибудь, заявы катать.

– Ох, жарко-то как, – выдохнула врачиха и достала из пакета бутылку с водой. – Лето совсем, а они всё отопление...

– На следующей неделе опять похолодание обещают, – без охоты ответил Николай Михайлович.

С этой врачихой они дежурили довольно часто, но, бывало, за сутки не обменивались и десятком фраз. Сидели за одним столом, а как бы и порознь, каждый выполняя свою работу. В конце смены делили деньги, расходились... Когда Елтышев наткнулся взглядом на огромное ее лицо, на тол-

стые руки, его окатывало отвращение, и он с жалостью представлял мужа врачихи. На ее безымянном пальце, почти заросшее кожей, желтело обручальное кольцо... Как он с такой, бедолага...

Но тут же вспоминалась его собственная жена – тоже полная, тоже с окаменело-угрюмым выражением на лице. «А ведь такой девчонкой была...» Когда была?.. Лет тридцать назад. А потом потекло, потекло, и нечего вспомнить, нечему удивляться... И не поймешь, когда вместо девчонки, от которой не отлипал, рядом оказалось привычное, необходимое, но неинтересное существо. Жена.

Подвозили новых, новых. Грязных и чистеньких, невменяемых и на вид почти трезвых, агрессивных и тихих; ячейки в сейфе заполнялись разным карманным барахлишком, в основном убогим и бесполезным. Денежных клиентов все не было – так, мелочь, мелочь. Николай Михайлович сидел за столом на своей половине, то и дело возвращаясь к подсчетам, сколько удалось уже за сегодня наварить, мечтал о приятном сюрпризе. Иногда подходил к двери на улицу, без охоты курил горьковатую «Яву», без аппетита жевал остывшие домашние пирожки с картошкой. Пару раз глотал по полстаканчику водки, чтоб взбодриться. Поглядывал на часы.

Время тянулось изматывающе медленно, а около двух ночи, когда поток задержанных прекратился, почти остановилось. Теперь если и привезут кого, то уж точно подзаборни-

ка-обоссанца, вонючего бичару. Ловить больше нечего.

Врачиха достала книжку в мягкой обложке, посапывая от удовольствия, стала читать; сержанты сняли с сейфа нарды. Хм, у каждого занятие, а он что, Николай Михайлович Елтышев?..

Он не имел особенных увлечений, жил как-то все по обязанности, а не для души. После седьмого класса пошел учиться на слесаря, потом два года работал на вагоностроительном заводе. Конечно, выпивали с ребятами, ходили на танцы; двое его сверстников занимались в самодеятельности и как-то неожиданно и легко поступили в училище культуры, еще один пошел по комсомольской линии, еще один занимался борьбой, стал мастером спорта, на соревнования ездил. Елтышев же нормально работал, обыкновенно отдыхал, в девятнадцать ушел в армию, после нее, когда увольнялся, предложили пойти в милицию. Он согласился. И вот к пятидесяти годам – капитан. Майор если и светит, то только накануне пенсии... Такая линия жизни.

Правда, и те – артисты, спортсмен, комсомолец – исчезли из виду, потерялись, никто не стал заметным человеком. Но они пожилы, наверно, какое-то время интересно и ярко.

Были и у Елтышева шансы, были. Но – прозевал, отказался, слишком долго думал. Да и семья держала, двое пацанов. За них боялся и не лез в пекло. А выросли... Старший никуда не поступил, в увальня превратился, в двадцать пять – ребенок ребенком, а младший... С младшим вообще беда: в

драке бахнул одного в лоб кулаком и сделал клоуном. Теперь тот инвалид, а сын на пять лет в колонии.

Знал Николай Михайлович, что шепчутся об этом соседи, знакомые – сам, мол, мент, а сын сидит, – ловил иногда усмешливые взгляды и на работе, но сдерживался, старался не замечать, не принимать близко к сердцу. Иначе, боялся, тоже кому-нибудь перелобанит.

В юности он не выделялся силой и мощью, может, оттого, что жила их семья бедно, ели неважно. Но годам к тридцати пяти заматерел, ощутил что-то в себе стальное; валун себе напоминал, который, если столкнуть, все на своем пути в лепешку раздавит. И сослуживцы, когда собирались в спортзале тренажеры помучить, удивлялись: «Здоров ты, Николай Михалыч! Штангой по юности не занимался?» А он отшучивался: «Борьбой занимался без правил».

Около четырех внизу стали покрикивать. Сначала в туалет просились, и сержанты сводили нескольких. Потом появились просьбы дать воды, домой позвонить, выпустить. Шумела в основном компания, которую привезли от клуба «Летучая мышь».

Когда крики переросли в колочение в дверь и скандирование: «Во-ды! Во-ды!.. До-мой! До-мой!» – Елтышев не выдержал:

– Давайте-ка их успокоим.

Втроем – он и сержанты – спустились.

– Кто тут домой захотел? – спросил Николай Михайлович, остановившись в центре коридора.

– Я! Я! – сразу из нескольких камер.

– Добро. Выводи, Ионов.

Сержант Ионов, звеня ключами на большом кольце, открывал двери, желающие выходили в коридор, и их отводили в крошечную – метра четыре квадратных – комнатушку с большой батареей-змеевиком, прутьями под потолком (сушилка, что ли, когда-то была). В ней техничка держала швабры и ведра, мешок с хлоркой, а иногда там запирали наиболее буйных – потенциальных пятнадцатисуточников. Но сегодня, то ли от собственных невеселых размышлений, то ли от того, что недовольных оказалось так много, Елтышев набил комнатушку под завязку. Четырнадцать человек – всех, кто требовал выпустить.

– Пойдите, подумайте, – сказал и захлопнул дверь, поднялся в дежурное помещение, снял фуражку, вытер платком пот со лба.

– Ох, жара-то какая, – заметила его движение врачаха. – Надо на дачу ехать, вишни, сливы распаковывать. Не дай бог сопреют.

Елтышев неприязненно мыкнул, сел за стол. Дачи у него не было; несколько раз собирался взять участок, но начинал раздумывать, подсчитывать – придется доски покупать на забор, домишко какой-нибудь строить, чернозем завозить – и оставлял эту затею. А теперь жалел, конечно, да поздно –

теперь задарма земли нет, каждая сотка какие-то огромные тысячи стоит...

С полчаса внизу было относительно тихо (похмельные стоны, хриплые матерки, не в счет), а потом в дверь комнатухи задолбили:

– Дышать нечем! Откройте, ур-роды!

Удары усиливались; Елтышев не выдержал:

– Ионов, прысни им там перцу через скважину. Что-то вообще охренели сегодня.

Сержант ушел. Крики на минуту смолкли – набитые в комнатуху, наверное, надеялись, что их сейчас выпустят, – и возобновились, но уже в несколько раз сильнее, переросли в выворачивающий кашель, вой. Когда вой сменился совсем уж нечеловеческими звуками, врачиха оторвалась от чтения:

– Да что там происходит?!

– Пуска-ай, – поморщился Николай Михайлович, – может, вести себя научатся...

Еще минут через десять, по настоянию врачихи, дверь открыли.

Из комнатухи вырвалась волна отравленного горячего воздуха; врачиха, поперхнувшись, отшатнулась. На полу, один на другом, корчились недавние недовольные.

Глава вторая

В последнее время Валентина Викторовна часто стала задумываться о прошлом. Воспоминания накатывали неожиданно, как приступ болезни, придавливали, лишали сил. И приходилось бросать дело, каким занималась, садиться и на несколько минут покоряться этому приступу – думать о прошлом, по новой переживать моменты жизни, словно от укулов, вздрагивать от мыслей: здесь бы подправить, здесь изменить... Полвека позади. В общем-то, вся женская жизнь. Впереди – старость.

Когда-то, девчонкой, она представляла старость как счастливое время, желанный отдых. Она видела степенных стариков и старух, достойно, умно, полезно проживших жизнь и теперь отдыхающих. Раз в месяц почтальоны приносят им пенсии, и старики, неспешно нацепив очки, тщательно, уважительно расписываются в ведомости. Взрослые сыновья и дочери приводят им внучат, и старики учат их тому, чему могут научить только они, узнавшие все тайны жизни. Они никуда не торопятся, они по-особенному чувствуют солнце, видят красоту листьев, по-особенному вдыхают воздух...

Но то ли это было ее детскими фантазиями, то ли старость теперь стала другой – Валентина Викторовна не чувствовала скорого покоя. Наоборот – жизнь требовала отдавать се-

бе сил все больше и больше, спешить, торопиться, решать бесконечные проблемы, переносить беды одну за другой. И вот уж совсем катастрофа – предстоящий переезд. Переезд неизвестно куда.

...Сегодня путь с работы давался особенно тяжело. Ноги не шли, всё вокруг – люди, светофоры, машины, дома – казалось враждебным, готовым накинуться и задавить или, слюняво взвизгнув, начать совать ей в глаза ту газету... И город, в котором прожила в общей сложности тридцать два года, давно считала родным, тоже был враждебен, был уже не ее, чужим.

Пройдя несколько десятков метров, Валентина Викторовна чувствовала слабость, понимала, что вот-вот упадет, искала скамейку, скорее садилась, крепко обнимала пальцами деревянные рейки, сжимала веки, прячась от бегающих перед глазами красных точек... Давление, что ли... Сидеть было лучше, но тут же опутывали, стягивали паутины-воспоминания.

Как приехала сюда в шестьдесят пятом учиться. На кого, тогда не решила – хотелось одного: вырваться из маленькой, темной их деревушки. Но и город, в котором до того была два раза, очень быстро разонравился: почти сплошь одноэтажный, пыльный и тоже темный (старые срубы, ограды, деревянные тротуары), переполненный такими же, как и она, вчерашними колхозниками. И все они куда-то спешили, неумело, толкаясь; ревели грузовики, за заборами рыли котлова-

ны...

Валентина Викторовна поступила в педучилище на учителя русского языка и литературы. Поселили в бараке-общежитии, в комнате с еще тремя девушками. Очень было неудобно, стыдно находиться всегда на людях.

Но в педучилище проучилась она всего полтора месяца. В октябре из крайцентра приехала комиссия набирать группу в библиотечный техникум. Валентина Викторовна вызвалась одной из первых – не из интереса к библиотечному делу: казалось, что там будет лучше. Прошла.

Теперь, задним умом, она была уверена, что тогда совершила первую большую ошибку в жизни. Лучше бы осталась в педучилище, закончила его и вернулась домой, стала бы учительствовать в родной школе... Хотя скажи ей это тогда, в пятнадцать лет...

Крайцентр ее поразил. Это был действительно город – с проспектами, скверами, трамваями, огромным театром. Валентине Викторовне и не мечталось поселиться там, в одной из квартир одного из десятков каменных семиэтажных домов с полукруглыми окнами. А наверное, надо было бы помечтать и попробовать.

Пытались за ней ухаживать местные ребята, она же, напуганная рассказами подруг, имена которых давно забылись, про «поматросят и бросят», про аборт, сразу эти ухаживания пресекала. Даже не танцевала ни с кем.

По пути в деревню на каникулы она проезжала тот горо-

док, где недолго училась в педучилище. Видела, что и он превращается в настоящий город – из котлованов поднимались невысокие, в четыре этажа, но благоустроенные дома, улицы закатывались асфальтом, появлялись газоны, бетонные столбы с фонарями. На окраине запускали вагоностроительный завод, и бывшие деревенские жители шли в рабочие.

Городок стал нравиться Валентине Викторовне, и когда после окончания техникума ей предложили место в центральной библиотеке, только что отстроенной, с новенькими стеллажами и свежими книгами, просторным читальным залом, она согласилась.

Дали комнату в общежитии, работа была несложной. Во время учебы все казалось труднее и непонятнее...

В центральной библиотеке Валентина Викторовна работала до сих пор. Когда-то по дороге от нее к общежитию встретила молодого сержанта милиции, за которого, после полугода дружбы, вышла замуж. Отсюда, была уверена, в пятьдесят пять лет ее торжественно проводят на пенсию.

Но оказалось, придется уволиться раньше времени, уйти в неизвестность. Невозможно стало ловить враждебные взгляды сослуживиц, посетителей, каждый из которых знал о ее муже...

«Уголовное дело, – долбилось в голове, – уголовное дело». Сколько сил, нервов, сколько денег потрачено, когда сына судили, а вот через два года то же самое с Николаем. И если в первом случае ей в основном сочувствовали – мало ли драк

между парнями происходит, и сын не ножом ведь, не заточкой врага своего, а голым кулаком, – то теперь наоборот.

А что Николаю делать было? Эти буйнили, вырывались, другим трезветь мешали, вот он и запер в изолятор. И как просчитаешь, на сколько кислорода хватит, как оно все получится. Разве ж он знал, что так – у пятерых отек легких, в реанимацию пришлось класть, еле откачали. И, может быть, все бы замять удалось, извинились бы, как-нибудь договорились, но в городской газете статья появилась. Тут уж пошло-поехало.

Известно же, как журналисты милицию ненавидят, а среди пострадавших оказался их коллега. Вот и раздули...

Много чего могла бы Валентина Викторовна сказать следователям, кажется, способна была объяснить, убедить, что ее муж не виноват, но ее не спрашивали. Даже Николай запрещал об этом случае вспоминать – сразу беленился. А как не вспоминать, не говорить, если все теперь вокруг этого крутится. Что, успокаивать себя, что не посадили, а дали условно четыре года? Но все равно ведь – жизнь рухнула, и нужно теперь из-под обломков выбираться, как-то восстанавливать, налаживать.

А ведь могло же, могло все по-другому сложиться. Останься она в крайцентре, выйди замуж за одного из тех интеллигентных, тонких юношей, которые пугали этой своей тонкостью и интеллигентностью, принимаемыми ею за подловатость. И жила бы теперь в миллионном городе, стала бы,

не исключено, заведующей библиотекой, огромной, светлой. Или нигде бы не работала, заботилась о доме, о муже, каком-нибудь директоре завода; дети бы институты уже окончили... Нет, лучше тогда было вернуться в деревню, учить детишек. Надежная изба на высоком фундаменте, огород, корова...

Давно она не была на родине, и деревенская жизнь представлялась как нечто единственно правильное. Да и к кому туда было ехать? Дом после смерти родителей продали, деньги разделили между собой дети, все уже давно жившие в городах. Никого там родни не осталось, только тетка Таня – старшая сестра матери, пережившая и мужа своего, и всех троих детей. Но, может, и ее уже нет – лет за восемьдесят ей далеко... Надо бы, по-хорошему, съездить, поглядеть, только как сейчас... Ох, господи...

Их четырехэтажный дом, один из первых построенных в городе многоквартирных, сегодня показался Валентине Викторовне убогим, покосившимся, особенно обшарпанным. Наверное, самозащита так работала – ведь очень скоро этот дом будет для нее и ее семьи чужим, им тут скоро не жить.

Во дворе она снова присела, отдышалась – состояние такое, словно взобралась на высокий холм. Глянула по сторонам. Напротив еще одна такая же четырехэтажка – мутноватые стекла, балконы забиты старой мебелью, какими-то досками, расплзшимися коробками. Во дворе детская площад-

ка с песочницей, деревянной поломанной горкой, качелями, которые пронзительно скрипели, если на них качались; заросшая полынью хоккейная коробка, на растянутых меж тополями веревках сушится сероватое, застиранное белье... Безрадостная, конечно, картина, даже золото сентябрьских листьев не особенно ее украшает, но ведь столько здесь прожито... Здесь сыновья ее выросли...

Через силу, тяжелым рывком поднялась. Нужно идти. Ужин готовить. И – разговор предстоит. Сегодня Николай с начальником ГУВД Вересовым должен встретиться; сегодня должно стать ясно: или все-таки в пропасть их семья полетит, или есть еще шанс удержаться.

Сама открыла ключом дверь, вошла. В большой комнате бубнил телевизор, в ванной шипел душ. Но, несмотря на живые звуки, атмосфера тревожная, гнетущая. «Будто покойник в доме», – вспомнилась Валентине Викторовне поговорка, и она тут же себя обругала, испуганно-просяще добавила: «Не дай бог, не дай бог».

Хотела поздороваться – объявить о своем приходе, как делала обычно, но не стала. Молча сняла сапоги, повесила на вешалку пальто.

Николай сидел в кресле. На экране телевизора скакали полуголые худые девицы, наперебой пели слабыми голосками:

Отмени мой домашний арест,

Отмени мой аре-ест!

Сострадание к мужу тут же сменилось раздражением, негодованием даже. И Валентина Викторовна жестко спросила:

– Ну что?

– Что? – Николай как-то пугливо взглянул на нее, взял с журнального столика пульт, сделал звук телевизора тише.

– Поговорил с Вересовым?

– Поговорил.

И, поняв, что ждать хорошего нечего, Валентина Викторовна все же задала новый вопрос:

– И как?

– Как... Хреново. Всё. – Николай, кряхтя, пошевелился в кресле. – В течение месяца освободить площадь... Вересов сам на иголках – сплошные проверки, начальник службы собственной безопасности новый, из края поставили...

Он еще говорил, говорил что-то бесцветно и виновато, тонном объясняющего, где загулял вчера, муженька, но Валентина Викторовна не слушала – в мозгу засела и повторялась одна фраза: «В течение месяца освободить...» Это значит – выселяться со всеми вещами, горшками, телевизором этим несчастным (взяла пульт и выключила его вовсе), с диваном огромным, скрипучим, с книгами, которые давно никто не читает. Взять и оказаться на улице.

– И, – перебила мужа, – как теперь?

Он вспылел:

– А я знаю – как?! Как! Извиняюсь, мало денег с алкашни собирал, не хватает нам на квартиру.

Валентина Викторовна села на диван, пружины с писклявым стоном сжались. Муж же, наоборот, вскочил, заметался по небольшому свободному пространству комнаты:

– Тридцать лет проработал! Улицы эти топтал пэпээсником! И – вот... Сволочи!

– погоди, – пересилив страх перед его криками, остановила Валентина Викторовна; муж кричал подобное за последние месяцы не раз и не два. Пора было искать какой-то выход. – погоди, давай решать.

– Чего тут решать?! В петлю башкой...

– Пре-кра-ти!

Появился сын. Мокрый, голый, с намотанным на бедра полотенцем. Хмуро взглянул на родителей, пошлепал к себе.

– Артем, – окликнула Валентина Викторовна, – подойди сюда.

– Что? – Он остановился, но не обернулся.

– Подойди, я говорю!

Подошел. Высокий, крепкий, с волосатой грудью молодой мужчина, а глаза детские, насупленного ребенка...

– Так, Николай, – Валентина Викторовна почувствовала небывалую решимость, – Николай, присядь. Так, давайте решать... Семейный совет.

Сын хмыкнул.

– Ну-ка! Сядь тоже быстро! Нас со дня на день на улицу вышвырнут, а он хмыкает... Так. – Постаралась успокоить-ся. – Так, какие у нас варианты? Во-первых, можно снять квартиру...

– Двухкомнатка – пять тысяч за месяц, – вставил сын.

– Откуда ты знаешь? – Зарплата Валентины Викторовны была четыре семьсот.

– Ну, спрашивал.

– Дом тогда, может...

– И что? – подал голос муж. – Ну снимем, год проживем, два... Нам с тобой недолго осталось, а они... – кивнул на сына, – Денис вернется.

Валентина Викторовна хотела сказать, что надо об этом было заранее думать, что эта квартира – ведомственная, не их, и такое рано или поздно случилось бы. Не стала, боясь нового взрыва... И тут, как светом блеснуло в голове, нашелся выход.

– Тогда, может быть, так – в деревню? Сорок километров отсюда.

– В эту, – поморщил лоб Николай, – в твою?

Сам он был местный, городской, но давно растерял родню, а тот барак, в котором провел детство, снесли еще в семидесятых.

– А куда еще? Там тетка, жива, наверно... Изба у нее.

При слове «изба» Артем опять чуть было не хмыкнул. Валентина Викторовна заметила:

– А что?! Что еще? Вот работал бы, учился... Двадцать пять лет мужику, а все как этот...

– Но ты-то работаешь, – перебил муж. – Оттуда, что ли, мотаться каждое утро.

– Уволюсь. Не могу больше видеть их... Я ведь тоже не железная, чтобы так... Сама как убийца себя чувствую.

Николай кряхтнул и отвернулся.

Некоторое время молчали. Сын ежился, мерз, но, видимо, понимал, что взять и пойти сейчас одеваться опасно. Разорутся, что ему все равно. Нужно дотерпеть.

– Ну, – первой заговорила Валентина Викторовна, – как?.. Завтра возьму отгул, съезжу. Может... Может, и ничего там нет уже... А? – Посмотрела на мужа, на сына. – Как-то ведь надо... А? – Они молчали, и Валентина Викторовна опять стала терять терпение, в горле заклокотал крик. – Куда-то ведь надо деваться нам, в конце-то концов!

Сошлись на ее варианте. Муж – обреченно, сын, казалось, равнодушно.

Валентина Викторовна переделалась в халат, пошла на кухню. Готовить ужин. Достала из-под морозильника размороженный кусок свинины, поставила воду для рожек. Выбрала из корзинки луковицу... Движения были четкие, заученные десятилетиями повторений, но стоило взглянуть на какую-нибудь вещь – на кухонный шкаф, на давно уже не используемую ручную соковыжималку, на форму для торта, –

и руки опускались. Каждая вещь словно кричала, вопила жалобно и настойчиво: «Возьми меня! Не выбрасывай! Я пригожусь!» И представлялись скорые неотвратимые часы, когда нужно будет упаковывать, сортировать, вытаскивать мебель, куда-то ее грузить... Валентина Викторовна боролась с желанием бросить нож, сесть на табуретку, зажмуриться. Не быть.

Вошел Николай, постоял, необычно для него нерешительно переминаясь с ноги на ногу, потом предложил:

– Может, я это... за бутылкой схожу... Что-то трясет, прямо... Напряжение снять.

Валентина Викторовна кивнула:

– Сходи. Только получше купи какую. – Ей тоже хотелось немного выпить.

Глава третья

Деревня называлась Мураново, по протекающей рядом речке Муранке. Когда-то это было село – на холмике стояла церковь, которую в шестидесятых снесли и поставили на ее месте похожий на амбар клуб.

Главной улицей в Муранове была дорога в дальнюю деревню Тигрицкое. Дорога была асфальтированной, но асфальт давно разбила совхозная техника, и его не ремонтировали. Шофер, когда подгонял свой «зиллок» к дому, изматерился, тщетно пытаясь объехать ямы и рытвины, а Валентина болезненно морщилась, представляя, как колотится в контейнере посуда, техника.

Изба тетки Татьяны находилась в самом центре деревни: справа через три двора – контора с почтой, еще через двор – магазины, из которых работал только один, остальные же два наглухо, с давних пор, заперты. Слева от избы тетки была двухэтажная школа, самое старое в деревне здание, а почти напротив – клуб и водонапорная башня.

В последний месяц Николай Михайлович несколько раз сюда приезжал – привозил кой-какие вещи, сдавал документы на прописку, слегка подремонтировал комнату, где предстояло жить, – вроде бы немного свыкся с мыслью, что это теперь их дом, но каждый раз теткина изба вызывала у него нечто похожее на ужас. Ужас перед тем, как перезимуют в

ней, сколько предстоит сделать за лето, чтобы следующую зиму встретить в более-менее человеческих условиях.

Николай Михайлович приезжал сюда на автобусе – «Москвич», по закону подлости, был серьезно сломан, – ни с кем из местных старался не заговаривать, поменьше общаться с хозяйкой. Она, маленькая, ссохшаяся, в основном сидела на табуретке возле непомерно большой для такого домишки, закопченной полосами печи, смотрела в пол выцветшими, стянутыми морщинами глазами... Поначалу, обнаружив во дворе гниловатую, но пригодную на первое время доску, Николай Михайлович обращался к тетке Татьяне: можно ли использовать. Она тяжело взмахивала рукой-сучком, вздыхала: «Бери-и. Мне-то она на что уж...» И вскоре Елтышев перестал ее спрашивать, почти не замечал.

Утепляя пол, потолок, вынося из комнаты развалившийся стол (его место должна была занять часть стенки из квартиры), Николай Михайлович не верил, да и не желал верить, что теперь это дом для его семьи. Теперь им в этом покрякивавшемся срубе жить, и, может быть, отсюда их с женой когда-нибудь понесут на кладбище.

Но был нанят «ЗИЛ», контейнер заполнен тем, что составляло обстановку двухкомнатной квартиры, ненужные вещи оказались на мусорке, и водитель торопил ехать.

Когда в последний раз обходили пустые, посветлевшие комнаты, жена взвыла, как на похоронах, повалилась; Николай Михайлович подхватил ее, быстро и грубо вывел. На

площадке отдал ключ начхозу ГУВД. Подсадил Валентину в кабину, сказал сыну, что ждут его в деревне – Артем должен был добираться автобусом, – оглянулся на дверь подъезда, бросил тело внутрь «ЗИЛа». Захлопнул дверцу, велел скорее не водителю, а себе:

– Все, поехали!

Только стали с женой разгружать контейнер, заморосил дождь. Мелкий, но, кажется, затяжной, октябрьский.

– Как назло, – ругнулся Николай Михайлович и торопливо, бережно, но и словно на свалку, понес в избу дорогую, не так давно купленную стеклянную тумбочку.

Шофер помогать не вызывался, покуривал, слушал магнитофон («А где же ручки? – пело в кабине. – Где же наши ручки?..»), иногда выходил размяться, заглядывал в контейнер и досадливо кривился – убывало медленно.

Тетка стояла на низком крыльце, скорбно наблюдала, как носят вещи; она попыталась было принять участие, но не смогла дойти до ворот...

Несмотря на середину буднего дня, улица была пуста, хотя Николаю Михайловичу казалось, что из всех окон, из-за всех заборов за ними наблюдают, следят любопытные... И вот один не выдержал – появился, подошел.

– Здоровенько. – Высокий, сухой, с запущенной, почти ставшей уже бородой, щетиной; на голове черно-рыжий комок зимней шапки. – С приездом.

– Спасибо. – Елтышеву было не до разговоров. Вытянул из контейнера мешок с одеждой, понес.

Комната заполнялась быстро; Николай Михайлович сунулся в летнюю кухню. «Придется сюда».

– Чего, – местный ждал у машины, – помочь, может? А то, гляжу...

– Ну, помогите. – Елтышеву предстоял холодильник.

Мужик оказался слабым, больше кряхтел, стонал, чем таскал. И постоянно комментировал:

– В-во, табуреточки! У меня такие ж почти... Добрая полка... Люстра на семь лампочек...

Николаю Михайловичу казалось, что он на аукционе, где распродают его пожитки...

Но дело все-таки пошло поживее, и приехавший в половине второго Артем застал контейнер почти пустым. Отнес одно, другое – и всё.

– Ну во-от, – облегченно, будто потрудились больше других, выдохнул водитель; свел стальные створки, лязгнул засовом. Выжидающе посмотрел на Николая Михайловича.

– А, да, – тот понял, достал бумажник, выбрал две сотни. – Держи. – За перевозку он уже заплатил в агентстве, но нужно было отблагодарить лично и шофера – что не капал на нервы, не мешал, довез, в конце концов, без неприятностей.

– Благодарю. – Шофер еще раз выдохнул, прыгнул за руль и, перед тем как захлопнуть дверцу, пожелал: – Счастливо вам!

Елтышев кивнул. Щелкнуло зажигание, тыркнул трамблер, и мотор завелся; из выхлопной трубы вырвался синеватый столб дыма. И когда «ЗИЛ» тронулся, медленно, но безвозвратно разрывая последнюю нить с прошлой жизнью, снова похоронно завывала жена.

– Да перестань ты! – вспыхнул Николай Михайлович. – И без тебя!.. – И почувствовал желание толкнуть ее... Тоже взвыть.

Сдержался, вцепился взглядом в коричневый прямоугольник контейнера, который становился меньше, мельче; дорога пошла под гору, и вот контейнер исчез. Но еще долго все трое Елтышевых – муж, жена и их сын – стояли у раскрытых черных ворот и смотрели в ту сторону, куда уехал «ЗИЛ». В сторону города.

– Чего, – подал голос местный, – может, это, за новосельице?.. Меня Юрка звать. Я тебя, Валентина-то, помню. Помню, как приезжала.

Валентина Викторовна обернулась к нему, вгляделась, но не узнала. Тот вроде как обиделся:

– Юрка я, Карпов. Дядя у меня был, Саня, Карпов тоже. Вы с им в одном классе...

– Да, да, – покивала Валентина Викторовна, но без эмоций, думая о чем-то другом.

– Ну так чего, отметим?

– Надо, – встряхнулся, оторвался от дороги Елтышев, достал полтинник. – Хватит? Еда у нас есть.

Юрка принял бумажку, покрутил, будто убеждаясь, что она настоящая. Кивнул, почти побежал по улице.

«Магазин, кажется, в другой стороне», – удивился Николай Михайлович и тут же переключил внимание на другое – сказал сыну:

– Закрывай ворота.

Наблюдая, как Артем толкает обвисшие, хлипкие створки, добавил с горьковатой шутливостью:

– Давай приучайся.

Сидели за большим дощатым столом на кухне, ждали Юрку. Жена разогревала на плитке приготовленную утром в квартире тушеную картошку с мясом. Тетка Татьяна покачивалась на табуретке, что-то тихо-тихо бормотала, словно ругалась на себя, что пустила чужих и теперь приходится так ютиться, в уголке.

Пахло созревшей пылью, старостью, лекарствами. Бугристая штукатурка на стенах, казалось, вот-вот начнет отваливаться кусками, потолочная балка не выдержит и переломится и весь дом превратится в горку сухой извести, истлевшей пакли, черных, будто обгоревших деревяшек. И Николая Михайловича до зуда в скулах потянуло вскочить, выбежать прочь, спрятаться в безопасности и в то же время хотелось засучить рукава, начать строить новый, просторный дом с отдельной для себя комнатой на втором этаже. Для отдыха...

Обитая одеялом дверь со скрипом и хрустом открылась, вошел, пригнув голову, Юрка. На лице улыбка, в руках бутылка. Почему-то без этикетки.

– Заждались? – Поставил бутылку на край печной плиты, снял шапку, ударил ею по колену, отчего по кухне сыпанули капли. – Счас, за новосельце...

– А ты-то чего... – тихо удивилась тетка Татьяна, но не договорила, закачалась снова.

Николай Михайлович коротко, бодровато, как, бывало, дома после смены, выдохнул, велел жене:

– Давай, мать, накладывай. – А сам выставил в рядок толстенские, в форме сапожка, стопки.

Подсевший Юрка без церемоний зубами выдернул из бутылки пластмассовую пробку (таких пробок Николай Михайлович не видел уже несколько лет), стал разливать.

– Поработали, – приговаривал, – можно и расслабиться мала-мала... Мо-ожно...

Из стопок сильно запахло водкой; Елтышев с подозрением следил за движениями Юрки – бутылка без этикетки, едковатый запах ему не нравились. Но пока что молчал... Артем притулился с краю стола, позевывал, брезгливо озирался.

Валентина Викторовна поставила на центр глубокую тарелку с картошкой.

– В-во-о! – обрадовался Юрка. – Горяченькое. Ну, вздрогнем. – Подхватил стопку.

– Теть, – позвала Валентина Викторовна, – исть будешь?

Та неопределенно пошевелила рукой.

«Исть, – усмехнулся про себя Елтышев. – Быстро на деревенский переходим».

Юрка торопил:

– Ну, пьем, нет?

Чокнулись вяловато, безрадостно. Николай Михайлович осторожно отпил. Рот обожгло; вкус был ядовитый, через водку отдавало то ли керосином, то ли растворителем.

– Что... Что это вы притащили? Это пить нельзя.

Жена, сын испуганно поставили стопки. А Юрка, ухнув, быстро закусил, мотнул, словно после удара, головой и тогда уж удивленно пожал плечами:

– А чего? Нормальный спиртович. Через резиновый шланг только пропущен, от этого так... Да пейте, не бойтесь. – И стал наливать себе по новой.

Елтышева затрясло, раздражение сегодняшнего дня готово было выплеснуться на этого гостя. Взять за шкирятник и вышвырнуть за порог.

– Нельзя было в магазине купить? – сдерживая себя, внешне почти спокойно спросил: – Я дал, кажется, достаточно...

– В магазине? Хе, да в магазине у нас водки с год уже нет. Пиво только.

– Почему нет?

– Да сертификат какой-то не получили... что-то такое там. – Юрка поднял стопку. – Да ладно, пейте, нормальный,

говоря, спирт.

Неожиданно выпил Артем. Хыкнул придушенно, бросил в рот парящую картошину. Глянул на родителей, сказал как-то с вызовом:

– Не умрем, наверно.

«Наверно... – Николай Михайлович сжал стопку в ладони. – Наверно... Хрен с ним».

Глава четвертая

С детства еще, примерно лет с пяти, Артем понял, что он не такой, как все. Конечно, каждый чем-то отличается, но не очень, а он отличался очень. И ему это мешало. Мешало и в детском саду, и в школе, особенно в пятом-седьмом классах, когда необходимо быть активным, подвижным, готовым к драке, к защите своего «я». А Артем любил тихие занятия – в детском саду, куда ходил с плачем, чаще всего лепил из пластилина за столиком, катал в уголке машинки, в школе на переменах сторонился носящихся одноклассников; одно время чувствовал тягу к книгам, особенно к тем, где описывались путешествия, исследования дальних стран, но ни одну книгу от корки до корки не осилил – листал, выхватывая взглядом отдельные строки, даты, фамилии, рассматривал иллюстрации.

Родители, видя его тихость, иногда говорили с усмешкой: «Философ растет. Все думает». Но Артем как-то особенно ни о чем не думал, мало что замечал, запоминал. Каждый новый день встречал без радости, еще лежа в постели, представлял, сколько всего будет за этот день, в какой круговорот, только стоит подняться, он попадет, и подниматься не хотелось. Укрыться одеялом с головой, оставив лишь узкую щелочку, чтоб дышать, и лежать там, лежать в полудреме, покое... Вбегала мама и начинала тормозить: «Ты что ле-

жишь-то?! Будильник ведь прозвенел!» А рядом прыгал брат и тоже донимал: «Вставай, Тяма! Погнали в школу!»

Был бы он, Артем, каким-нибудь больным, низкорослым, наверное, было бы лучше. Понятнее ему самому, почему он такой. Но он рос здоровым, крепким, будто занимался физкультурой (физкультуру он не любил больше всех других уроков), и в то же время каким-то... Однажды он услышал слово, поразившее его, – слово это произнесли не в его адрес, но с тех пор Артем часто мысленно повторял, обращая его к себе: «Недоделанный». Обидное, но точное слово...

Лет в четырнадцать его стало всерьез пугать, что он ничем не интересуется, нет у него каких-то увлечений. Пробовал ходить в кружки – в авиамodelьный, на бокс (руководитель говорил, что у него есть данные, правда, очень слабая реакция), на шахматы, к филателистам, но быстро бросал. Неинтересно. На шестнадцатилетие ему подарили гитару и самоучитель. Артем зажегся, стал разбирать аккорды, пробовал копировать мелодии известных песен. Дело шло медленно, туго, и вскоре Артем забросил гитару, зато брат, казалось бы, случайно взяв ее в руки, сносно заиграл модную тогда песню группы «Кино» «Звезда по имени Солнце».

Вообще Денис хоть и был на два года младше Артема, постоянно его обгонял. Почти во всем. Первым научился ездить на двухколесном велосипеде, первым закурил, первым, когда Артем только почувствовал в этом потребность, поцеловался с девушкой.

Даже два года в армии его не переделали. Со службой (к которой родители отнеслись странно спокойно, вроде бы даже были ей рады) ему повезло – оставили в своей области и после учебки отправили на локационную станцию, откуда Артем видел родной город. Увольнения давали часто, и раза два в месяц его проводывали то родители, то Денис с приятелями.

В ту же осень, когда Артем вернулся, призвали брата. Определили в десант, служил далеко, в отпуск не приезжал. Родители извелись, каждый день ждали писем, смотрели страшные выпуски новостей – как раз тогда началась вторая чеченская... На войну Денис не попал, но вид приобрел бывалого парня – ходил с перевальцем, долго после дембеля носил форму, хищно посапывал перебитым носом, всегда был настроен подраться, собирался наняться то в Иностраннный легион, то в спецназ. Родители хоть и продолжали за него тревожиться, просили вести себя поумеренней, но, видно было, гордились – настоящий мужик получился. А в итоге через полгода, во время драки, долбанул одного в лоб кулаком и получил пять лет...

Страшный был период между арестом и судом, когда Артему казалось, что он тоже свихнется, как и тот, которому брат раздробил лобную кость. Но в то же время где-то глубоко в душе Артем был рад случившемуся, будто перехитрил не то чтобы брата, а кого-то огромного, мудрого, который всегда выделял Дениса, дарил ему силу и смелость, и друг

увидел, что ошибся – дальше по жизни пойдет Артем, Денис же сорвался, упал и вряд ли поднимется.

Артем стал чаще бывать на улице, на равных общался с парнями, которые, благодаря случившемуся с братом, зауважали его; он ходил с ними в ночной клуб, пил водку, иногда участвовал в драках, и мать, увидев на его лице синяк или коросту на губе, начинала рыдающе спрашивать: «Ну ты-то куда?! Ты-то?!»

Это «ты-то» оскорбляло больше всего – в нем слышалось ненавистное Артему слово «недоделанный».

Он постоянно устраивался на работу – одним из главных занятий с двадцати лет было хождение по объявлениям о найме. Продавец книг на уличном развале, разнорабочий на стройке, грузчик на рынке, монтировщик во Дворце культуры... Случалось, его брали, даже делали запись в трудовой книжке, а через две-три недели, через месяц давали понять, что недовольны им, еще через неделю предлагали написать заявление «по собственному желанию». И Артем, тоже уже измучившись, с удовольствием писал, вздыхал облегченно, забирал в бухгалтерии расчет; подойдя к дому, изображал на лице расстроенность, извиняющимся тоном говорил, что его уволили и он не знает, почему; скрывался в своей комнате. Падал на кровать, отворачивался к стене. И становилось легко и радостно, как бывает, когда чувствуешь, что выздоровел...

Неделю-другую родители его не трогали, даже сочувствовали, что он опять потерял работу (для них, десятки лет сидевших на одном месте, это казалось действительно трагедией), но потом отец начинал хмуриться, мать как-то тычком ставила перед ним тарелку с едой, словно говорила этим: «Вот тебе, дармоед». И Артем брел по объявлениям, вяло объяснял в отделах кадров, что он умеет, почему так недолго пребывал на прежних работах, обещал быть дисциплинированным, не прогуливать, не филонить. Но через месяц-полтора-два снова становился свободен.

Город он знал неважно, хотя вроде бы что там знать? Родился и вырос в центре, центром и ограничивался город для него – скучноватые четырехэтажные и пятиэтажные здания, внушительный, пятидесятих годов, кинотеатр «Победа», сквер вокруг памятника Ленину, рынок, автовокзал... А вокруг бесконечные кварталы частного сектора – кривоватые (почва болотистая) избенки с тесными огородами; в частном секторе Артем бывал редко, сколько себя помнил, между «центровыми» и «деревней» существовала вражда. Когда-то, в семидесятые, случались массовые побоища с участием не только молодежи, но и взрослых, и несколько человек обязательно попадали в больницы.

На севере города, на так называемой Горе, хотя это была лишь небольшая возвышенность, в конце восьмидесятых появился микрорайон светло-серых девятиэтажек. Микрорайон имел свой торговый центр, кинотеатр, школу, универмаг.

Вниз обитатели Горы спускались редко, в основном в выходные (работало большинство из них на вагоностроительном заводе восточнее Горы), а некоторые из центровых вообще не бывали в микрорайоне. В их числе и Артем. Приятели там не жили, интересных мест не было, да и нагромождение высоких домов пугало, казалось, что он там запросто может потеряться, пропасть.

Город окружала холмистая, вечно желтая степь. На одном из холмов можно было разглядеть коробочки строений, спичку антенны и похожий на миску радар – там Артем прослужил полтора года... На южной окраине города текла река – быстрая, холодная и мелкая. Купались в ней лишь уверенные в своем здоровье люди или пьяные, которые довольно часто тонули. Река сбегала с Саянских гор, почти неразличимых из города; вверх по течению моторные лодки ползли кое-как, со стороны казалось, что они почти не движутся, и не верилось, как это век назад староверы тянули туда, в верховье, лодки со всем необходимым для отдельного от всего остального мира существования. Они уходили в тайгу, чтобы уже не возвращаться...

Нигде, кроме родного города, Артем не был. Иногда, когда очень донимала тоска, ходил на вокзал и смотрел на поезда. Знал: те, что направляются налево, через день-два-три будут в Иркутске, Чите, Хабаровске, Владивостоке, а те, что направо, – рано или поздно окажутся в Новосибирске, Тюмени, Свердловске, Москве. Но, зная это, Артем ничего не

мог нарисовать в воображении. Москва и Питер еще выделялись каким-нибудь знакомым по телепередачам дворцом или площадью, а остальные были просто кружочками на карте.

Он чувствовал, что растворяется в родных кварталах, становится чем-то вроде скамейки, фонарного столба, одного из многих деревьев сквера – мимо идут и идут люди, и никто не замечает, не выделяет его, и он тоже почти никого и ничего не замечает, ничему не удивляется. Панцирь твердый, окостеневший от пыли и копоти... Если он будет жить вот так, как живет, будет видеть одно и то же, у него никогда не появится ни настоящего друга, ни настоящей девушки, которые что-то в нем изменят, изменят что-то очень важное. Поташут вверх по течению или поперек.

И, наверное, поэтому Артем не сопротивлялся, когда родители решили переезжать. Страшно, конечно, было порой до того, что тянуло заявить, что никуда не выйдет из своей комнаты, не будет собирать вещи – это напоминало рытье себе могилы приговоренным к казни; но какая-то частица, крошечная и в то же время главная в нем, доказывала: этот переезд, эта катастрофа – ему во благо.

Ту деревню, что должна была стать их домом, Артем помнил смутно. В детстве был там с родителями. Никаких подробностей не осталось, кроме ощущения простора – много места для игр, много неба, ярко-зеленая, теплая трава, в которой приятно барахтаться. Казалось, что в деревне все-

гда лето; в двадцать пять лет верить в это, конечно, было бы нелепостью, но, против воли, что-то такое в душе тлело. Гре-ло, когда ехал на разболтанном «пазике». Сидел в заднем ряду, глядя в пол – кого-то видеть, давать повод разглядывать себя не хотелось. Вообще не хотелось понимать, что происходит. Но с каждым километром он отдалялся все дальше от родного города, он словно скатывался под откос и боялся, что вот-вот сорвется в черную яму. И одновременно с этим жутким ощущением всплывали не в памяти даже, а где-то за ней, – солнечные блики, сочно-зеленое, мягкое, широкое... Была крошечная, но странно крепкая надежда, уверенность, скорее, что на дне ямы, в которую срывается по этой кочковатой, выщербленной дороге, он найдет новую жизнь – какую-то, пусть и сложную, тяжелую, но настоящую. Кончится томительный период полудетства, начнется взрослость. Даже родители, обязательные, неизменные до этого, сейчас не виделись впереди. А виделась там изба со многими окнами, в которые бьет солнце, просторный двор, вкусный воздух, речка, на которой по вечерам так хорошо порыбачить, и – главное – силуэты пока неизвестных, но необходимых для его новой жизни людей...

Уже через несколько минут после приезда Артем догадался, почему отец не брал его с собой отремонтировать дом, готовить место для вещей. Да, это была яма, ее черное, беспросветно черное дно. Черное, как бревна их жилища.

Проснувшись после новоселья с тяжелого, хоть и выпил

граммов сто пятьдесят, похмелья, Артем решил сразу же пойти на остановку. Сесть в автобус, вернуться в город. Там куда-нибудь деться. К кому-нибудь из парней попроситься пожить, за это время как-то устроиться... Общежитие... Или – гараж ведь есть, с печкой!.. Как здесь-то?

Он провел эту ночь на раскладушке – его кровать в комнате не поместилась, – родители спали на диване совсем рядом. Даже прохода не осталось... Воздух был холодный, неживой. И, откинув одеяло, Артем сразу озяб, затрясся и поскорей снова закутался. Принял более-менее удобную позу, так, чтобы железная трубка раскладушки оказалась меж ребрами, не очень давила. Слушая похрапывания матери и отца, с обидой, бессильной, детской, подумал: «Я-то что?.. Пусть они решают. Устроили...»

Дни стояли темные, предзимние. Заполняли их перетаскиванием скарба с места на место, поиском во множестве коробок, мешков, тюков какой-нибудь нужной мелочи. Бабка Татьяна сидела у печки и наблюдала за малознакомой родней с подозрительной покорностью, будто рылись они в ее вещах.

Постоянно возникали трудности – то, что в квартирном быте делалось почти незаметно, здесь разрасталось до серьезной, почти непреодолимой проблемы... Главной была вода.

Вода бралась из колонки. Колонка находилась рядом – на другой стороне улицы, но давление было слабым, вода тек-

ла тончайшей струйкой, и, чтобы наполнить ведро, приходилось тратить минут семь. На холоде – не очень приятное времяпрепровождение... Ведра приносились домой и выливались в двадцатилитровый бак. Оттуда воду черпали для умывания, мытья посуды. Грязную сливали в двенадцатилитровое ведро под умывальником, которое выносилось на зады огорода и выливалось в заросли крапивы... В первое время, пока не научились экономить, помойное ведро приходилось выносить на зады раза по три-четыре на дню.

Мытье посуды было целым процессом. Мыли ее в большой металлической чашке сначала в одной воде, горячей, затем мыли саму чашку, стенки которой покрывались слоем жира, затем наливали в нее воду теплую (нагреть достаточное количество, даже с помощью электрочайника, никак не получалось). Эту вторую воду приходилось менять раза два, так как она опять быстро становилась жирной, и «Фэйри» не помогало. Особенно тяжело было мыть после говядины...

В туалет по-большому Артем не мог сходить на новом месте несколько дней. Так же с ним было, когда призвали в армию... Да и по малой нужде шел в похожий на собачью будку сортир, когда сил терпеть не оставалось. Отверстие в полу было почти заполнено, и отец собрался было строить новый нужник, но земля уже схватилась морозом. Решил отложить до весны, сказал как бы шутливо: «Ломиком будем сталактиты скалывать». А потом помрачнел: «Вот с банькой что делать...»

Баня стояла между летней кухней и стайкой с курицами – крошечная постройка без предбанника, пол сгнивший, полóк обрушился, железная печка прогорела. Мыться здесь казалось невозможным; вообще невозможно было представить, как в этих условиях может существовать и оставаться человеком бабка Татьяна. Бессильная, еле передвигающаяся, она все же не заросла грязью, в комоду у нее лежало чистое белье, в хлебнице был мягкий хлеб, в подполе – запасы на зиму.

Несколько первых дней Артем никуда за ограду не выходил, только за водой. Территория по ту сторону забора была враждебной, опасной, хотя людей он видел мало – изредка пробредали старики и старухи с матерчатыми сумками в магазин, быстро протопывали мужички, прокатывался на звенящем велике какой-то пацаненок. Машин почти не проезжало, а знакомое гудение рейсового «пазика» было мучительно – сразу вспоминалось прошлое, совсем недавнее и наверняка навсегда утраченное... Сейчас сделает круг водила, поставит автобус в гараж, придет домой, в квартиру на пятом этаже, примет душ, поест, упадет в кресло перед телевизором... У них тут два телевизора – черно-белый бабкин «Рекорд» и «Самсунг», привезенный с собой, но что толку... И смотреть не хочется, да и возможности нет. Все грудой свалено, тесно, приткнуться негде даже.

Хотелось быть одному, и Артем часами сидел в холодной летней кухне на стуле, делая вид, что разбирается в своих ве-

цах. Кассеты, пластинки, какие-то бумаги, книги, коробочки из-под давно сломавшихся фотоаппарата, плеера. Все это было теперь не нужно, все стало лишним. Надо было, еще когда очищали квартиру, вынести на помойку.

Зато того, что бы немного облегчило нынешнюю жизнь, не хватало – не было удобной обуви, в которой можно выбежать во двор, не было и повседневной уличной одежды, которую не жалко замарать, не было хорошего топора, гвоздей, тряпок, фонаря...

Как только немного обустроились, мать поехала в город. Звала с собой и Артема, но он отказался – как сильно хотелось убежать отсюда в первое утро, так было страшно увидеть теперь родные, но уже не его улицы... А мать в ту поездку окончательно уволилась с работы, купила мяса, сосисок, колбасы, водки; вернулась отчаянно радостная, словно избавилась от чего-то, разрубила мешающий узел. И выпила тем вечером так, что еле дошла до дивана.

Днем деревня была пуста, почти безлюдна, тиха, зато с наступлением сумерек возле клуба, у магазина начиналось оживление. Слышался хохот, девичьи взвизги, трещали мотоциклы.

– Всё гужбанются, – ворчала бабка, заглядывая за занавеску. – Но счас хоть потише стало, а летом... Там уж до утра не уснешь – бесиво без остановки... Скорей бы морозы ударили...

Артема звуки внешней жизни тоже раздражали, но иначе – хотелось туда... Лучше, если уж его привезли в эту нору, ничего чтобы вокруг не было. Но вокруг все-таки была жизнь, была молодежь.

И однажды он не выдержал, сбрил успевшую отрасти до бородки щетину, достал из чемодана выходные джинсы, свитер.

– Ты куда собрался? – тревожно нахмурился отец.

– Пойду тут... погуляю.

– Гм...

Артем втянул голову в плечи, ожидая, что сейчас раздастся: «Нет, никаких гуляний! Пьянь там одна». Но мать перебила это отцово «гм»:

– Только осторожней. И не до ночи.

Артем кивнул, ухукинул. Вышел в сенки, через них – во двор. У калитки приостановился, нащупал деньги в кармане, стараясь вспомнить, сколько там. Рублей сто пятьдесят. По крайней мере, на билет хватит. Постоять, послушать музыку, на людей посмотреть...

Высокое и просторное крыльцо клуба было заполнено парнями. Курили, шуршали пластиковыми стаканчиками, целлофановыми мешочками с закуской, рассказывали что-то друг другу, а рассказав, гоготали, заражая гоготом остальных. Но увидели подходящего Артема, замолчали. Как-то остолбенело смотрели на него. Артем вспомнил фильмы про ковбоев – там так же столбенели, когда в салуне появлялся

чужак... И он подходил, готовый вот-вот получить удар-пулю.

– Здорово-ово, – протянул один из парней, плотный, мощный, то ли с рябым, то ли с угреватым лицом.

– Добрый вечер. – Артем коротко улыбнулся. – Дискотека сегодня?

– Но, – кивок, – танцы.

Еще один, маленький, щуплый, хотя наверняка заводила, вдруг оправдывающимся тоном объяснил:

– Дядь Вася в запое опять, кино не кажут. Вот и танцы.

– М-да, – посочувствовал Артем и поднялся на две ступеньки; тут же ему протянули пачку «Примы» с выбитым наружу концом сигареты:

– Будешь?

Он вынул, поблагодарил, прикурил от подставленной зажигалки... Вообще-то не курил, иногда лишь, выпив, но сейчас, чтобы расположить парней к себе, закурить, понял, нужно.

– Слушай, тебя Артем ведь звать? – спросил плотный.

– Да... Я вон там, у бабы Тани, живу...

– Да мы знаем... Это самое, у тебя, случаем, тридцатника нет? Выпить охота, а кончилось.

Артем ждал этого вопроса и обрадовался ему. Знакомство двигалось удачно. Он достал из кармана одну бумажку – оказалось, полтинник.

Парни оживились; плотный передал деньги Артема высо-

кому, в камуфляжной шапочке:

– Балтон, сгоняй.

Потом стали представляться. Плотный оказался Глебычем, щуплый Нямой, еще один, узкоглазый, Цоем.

– Вела... Редис... Вица... – продолжали сыпаться клички; Артему стало неловко отвечать на них просто именем. Вспомнилось, что брат и приятели в городе звали его обычно Тяма. И Артем перешел на кличку.

– Во, Ням, – хмыкнул Глебыч, – почти тезка твой.

Парни с готовностью заржали...

Принесенный спирт на вкус был такой же, какой пил Артем в первый день здесь, – отдавало чем-то химическим и жженой резиной. Он сделал глоток и передал стаканчик Няме. Тот проглотил остальное. Причмокнул, будто это была конфета.

Морозило. Парни в легких свитерах и ветровках не мерзли, казалось, готовы были стоять так, на крыльце, перешучиваясь и поталкиваясь, всю ночь. За дверью слышалась музыка, красивая и нежная, под которую так хорошо обнять девушку, затоптаться с ней на свободном пяточке, приблизить лицо к ее волосам... И Артем не выдержал:

– Ребята, может, внутрь войдем?

Глебыч поморщился:

– А че там делать? Бабые одно.

– Ну, потанцевать...

– А-а, – догадался Цой, – тебе телку надо. Погнали пока-

жу, кого там... У нас уже разобраны, но выбрать есть.

– Вальку ему, – сказал Глебыч.

Парни опять заржали:

– Валька – само то! Мягкая...

И, ободрительно подталкиваемый в спину, Артем вошел в клуб.

Сразу за дверью был довольно просторный зал. На стенах мигали вразнобой елочные гирлянды, слева стоял кассетный магнитофон, из которого лилось:

Небо урони-ит ночь на ладони-и,
Нас не догонят, нас не догоня-ат!..

В центре зала танцевали несколько девушек, извиваясь друг перед другом, еще с десятков сидело на скамьях.

– Вон та вон, – перекрывая музыку, стал объяснять Глебыч, – с желтыми волосами, в белой кофте. Видишь? Валька Тяпова. А других не надо пока. Мы уже тут забились...

Артем нашел взглядом ту, о которой говорил плотный. Невысокая, но с хорошей фигурой, волосы от огоньков гирлянд золотились, поблескивали. Танцуя, она смотрела с улыбкой в стену, словно там было что-то чудесное... Артему она понравилась.

– И, это, – снова затеребил Глебыч, – может, еще чирик дашь? Чтоб пузырек купить. Забухаем.

Артем достал деньги, отдал плотному десять рублей. По-

шел к танцующим. Старался видеть только ту, на которую указал Глебыч. Придумывал, что бы сказать, вспоминал, как вливаются в общий танец. Танцевать-то он почти не умел.

Глава пятая

В первых числах ноября начал давить настоящий, за двадцать, мороз. Он выжигал в не защищенной снегом земле корни и семена, дни были черные, невыносимо грустные, люди с надеждой поглядывали на небо, ожидая, что вот-вот повалят хлопья. Но в небе была лишь серая хмарь, из-под которой еле-еле пробивался красноватый, не слепящий глаза круг солнца.

Девятого подул несильный, но ледяной, достающий даже в самом жарконатопленном помещении, ветер; все живое попряталось, замерло, стараясь переждать, перетерпеть этот ровный поток мертвого воздуха. И через двое суток попытки слегка потеплело, а потом повалил густой тяжелый снег.

Валил всю ночь и весь день, потом взял передышку и повалил снова, превращая избы в сугробы, ломая слабые ветки деревьев, руша трухлявые прясла, прогибая плахи незащищенных крыш.

Люди ругались, борясь с завалами, как по болоту, увязая, шли в магазин, в контору и там подолгу обсуждали последствия этого снегопада, которого, как им представлялось сейчас, еще не бывало. Боялись, что пооборвутся провода, что дорога в город станет непроезжей. «Подождем тут все без света и с голоду!...» Но все-таки стало повеселее, поживее. Наконец-то пришла зима.

Снегопад отсрочил поиск Валентиной Викторовной работы. Казалось, что именно он и мешает начать новый этап жизни, и стоит ему прекратиться, стоит появиться тропинкам, ведущим к школе, клубу, конторе, и Валентина Викторовна спокойно дойдет, поговорит, сдаст трудовую книжку, и все наконец-то станет опять стабильно, надежно.

Приезжая сюда в конце лета и осенью, готовясь к переселению, она специально не интересовалась возможностью устроиться здесь на работу. Начнет спрашивать, узнавать, проситься, получит повсюду отказ – и переезжать станет страшно. А так... Так оставалась надежда.

В первые дни было не до поисков – не свихнуться бы, выдумывая, как сохранить вещи от холода, каким образом так всё разместить, чтобы избушка, и без того тесная, не превратилась в набитый хламом чулан.

Потом съездила в город, взяла расчет, попрощалась с сослуживицами. Они, кажется, были рады, что Валентина Викторовна уволилась. По крайней мере не уговаривали остаться... Еще некоторое время после города она оттягивала поход по местным учреждениям, уже более убеждая себя, что у нее очень много неотложнейших дел, чем это было на самом деле. А потом повалил снег.

Четырнадцатого утром наконец-то решилась. Надела лучший свой костюм – сиреневые юбку и кофту натуральной шерсти, выходное пальто и норковую шапку. Осторожно, чтоб не выглядеть вульгарно, подвела глаза, подкрасила гу-

бы... Муж сидел на низенькой табуретке, курил, пуская дым в топку, где трещали дрова. Тетка Татьяна покачивалась в своем закутке меж столом и буфетом. Сын полулежал на теткой кровати здесь же, на кухне, листал какую-то книгу.

– Ну, я пошла, – сказала Валентина Викторовна.

Муж поднял на нее тяжелые, красноватые глаза (выпил вчера за ужином и слегка перебрал), качнул головой:

– Угу, давай... А я снег грести... надо.

Тетка и сын не отреагировали вовсе. «Что, мне больше всех, что ли, надо?!» – нахлынуло возмущение, и Валентина Викторовна скорей шагнула за дверь, чтобы не вернуться в комнату, не сесть на задницу, как остальные... Вернуться и сесть очень хотелось. Ведь предчувствовала, что не будет толку от этого похода, да и сил нет никаких. Все силы растратились на нервотрепку, на переживания, когда Николая по судам таскали, потом на переезд этот... О Денисе старалась не думать, а то совсем... Написала в сентябре, что у них произошло, дала новый адрес для писем. А до свидания еще больше двух месяцев...

Первым делом направилась в контору, где находился главный в деревне человек – управляющий.

Длинный, амбарного типа дом состоял из коридора, по обеим сторонам которого располагались кабинеты. Бухгалтерия, агроном, почта, участковый, пенсионный фонд, отделение Захолмовской сельской администрации... Кабинет

управляющего оказался в самой глубине коридора. Словно прятался. Но на стук Валентины Викторовны из-за двери прозвучало довольно бодрое:

– Да?

Она заглянула, с улыбкой спросила:

– Можно? – Вошла.

За письменным столом с потрескавшимся лаком сидел мужчина лет сорока пяти. Вполне приличный на вид. Даже в костюме. Перед ним – газета.

– Здравствуйте. – Валентина Викторовна покосилась на стул, но сесть пока не решилась. – Я к вам... Меня зовут Елтышева Валентина...

– Да, да, – перебил управляющий. – Недавно переехали.

– И уже прописались. Все в порядке... Я вот что хотела у вас узнать...

– Присаживайтесь.

– Спасибо. – Валентина Викторовна села. – Я хотела бы узнать насчет работы.

– М-м... М-да... – Бодрость управляющего мгновенно испарилась, даже веки потяжелели, придавили глаза. – В каком смысле? – Он еще надеялся избежать неприятного разговора.

– Не могли бы вы что-то мне предложить? У меня библиотечное образование, почти тридцать лет проработала библиотекарем, пять лет – заведующей.

– М-м... У нас есть, конечно, библиотека. Не были?.. Но

там Фаина. Вроде справляется. Кружок ведет для ребят-шек.

– У нее образование есть?

– Не знаю. Не я ее устраивал – этим отдел культуры занимается. Школой – отдел народного образования.

– А по вашей линии есть какое-нибудь... – Валентина Викторовна запнулась, решила выразиться культурнее: – Есть вакансии? – Но уже почувствовала холодок, пока еще слабый, пробежавший по спине; увериться в том, что работы ей не дадут, не хотелось, не должно было этого случиться.

Управляющий пошевелил плечами, отвел взгляд. Замер. Изображал, что думает. Валентина Викторовна ждала. Управляющий вздохнул, вытряхнул из пачки сигарету, чиркнул спичкой. Прикурил, затянулся и снова замер, глядя в сторону.

– Ну так что? – не выдержала Валентина Викторовна. – Есть? Можно ра... работницей куда-нибудь... или уборщицей. А?

– Да нету у меня мест. Ничего тут не осталось...

– А для мужчин? – быстро, чтобы опередить свое отчаяние, перебила Валентина Викторовна. – У меня сын – двадцать пять лет... И мужу – пятьдесят. Но он... Он в милиции тридцать лет... капитан.

– Ничего нет, – повернулся, сжал взглядом Валентину Викторовну управляющий. – У меня местные без работы. И мужики, и все. Скотники, механики, доярки, трактористы,

повара... В том году ферма еще была, а теперь – ничего. Вообще ничего.

– И... и как же здесь жить? – медленно, делая паузы между этими короткими словами, спросила Валентина Викторовна.

– А черт их... Кто на пенсию живет, кто по инвалидности... Пособия на детей, по утрате кормильца... Кому родня помогает, кто уезжает, нанимается в городе, в крае... О-ох... – Осторожно, чтоб не порвать, управляющий затушил докуренную до половины сигарету. – Не знаю. Пятый год сижу тут и удивляюсь. Я сам из Енисейска... Повезло вот, сюда посадили. А что делать – черт его знает. Был бы здесь колхоз, может, и что-нибудь можно было поднять, а так... В Тигрицком вон живут, держатся, но они отдельно. А мы же – часть куста. Центр в Захолмове, техника там...

– Я знаю всю эту систему, – перебила Валентина Викторовна, – я отсюда сама. Помню, как колхозы в совхоз объединили, как люди недовольны были... Но я в городе, правда, долго жила... И вот на старости лет... И не нужна, оказалось... – Валентине Викторовне захотелось плакать, но жалобы управляющего остановили слезы.

– Последних тридцать коров в том году в Захолмово перегнали. На ферме когда-то, говорят, больше ста человек работало, а теперь два сторожа осталось – коровники караулят, чтоб шифер не потаскали... Пошивочный был заводик – мешки шили. Сгорел. Поля были какие, даже пшеницу рбстили... Ничего... Пнем вот сижу тут и думаю.

Валентина Викторовна поднялась и пошла из конторы.

На улице огляделась. Избы вдоль улицы стояли, по окна заваленные снегом, будто брошенные. Но из труб поднимался дымок, значит, там есть люди, там готовят еду, во что-то они одеты, наверняка у них есть просвет пусть в недельном, но все же будущем. А у нее? У ее семьи? Скоплены копейки какие-то, на которые от силы с месяц протянут, а дальше?.. Николая надо посылать пенсию оформлять. Ему положено за выслугу лет... И ей тоже что-то должно... Два года до законной пенсии, до пятидесяти пяти лет. Два года несчастных. А как их прожить?

Хотела зайти в библиотеку, но не зашла. Толку-то? Там Фаина – хороший, по словам управляющего, работник. Кружок... Направилась в школу.

Двухэтажная, каменная, построенная в позапрошлом веке. Изнутри довольно уютная – большие полукруглые окна, светлые стены, детские рисунки развешаны. Сытно пахнет гречневой кашей.

– Вам куда? – приподнялась с лавочки старушка в синем халате; подозрительно прищурилась.

– Мне – к директору.

– А зачем?

Валентина Викторовна покривила губы:

– По личному вопросу. Познакомиться.

– Да?.. А откуда вы?

– Какая вам разница?

– Как это – какая? Моя обязанность за порядком смотреть. Случится чего, – говоря, мелко перемещаясь, старушка загородила коридор, – случится, и кому отвечать?

– Я... Я хочу просто познакомиться с директором! Гм... – Валентина Викторовна взяла себя в руки, поборолла готовый вырваться крик. – Понимаете, я эту школу закончила много лет назад, окончила в краевом центре библиотечный техникум, долго жила в городе, теперь вернулась и хочу познакомиться с директором. Меня зовут Валентина, девичья фамилия Кандаурова. Мои родители здесь известными были людьми. Тетя, тетя Таня Матасова, до сих пор живет, рядом вон, в двух шагах.

Но старушку эта родословная не впечатлила:

– И что? Уроки идут, нельзя по школе бродить. Директор тоже на уроке. Перемена прозвенит – пушу.

– Понятно...

Валентина Викторовна почувствовала страшную усталость, даже раздражение на эту в халате прошло. Присела на низкую, для детей, лавочку. Старушка постояла и тоже села.

– А вы не отсюда сами? – спросила Валентина Викторовна; на фамилию Кандауровы, которую носила лет сорок назад чуть не половина деревни, любая местная должна была как-то отреагировать.

– Я-то? Я из Тувы. – Старушка протяжно вздохнула. – В девяносто третьем переехали. Десять лет почти как... В де-

ревне тоже там жили, в Межегее. Не слышали?

– Нет.

Тува, в которую некогда стремились разнообразные специалисты (зарплата выше, по службе продвижение быстрее, льготы разные, очередь на жилье быстро двигается), находилась южнее, по ту сторону Саянских гор. Но в конце восьмидесятых, как и во многих республиках Союза, в Туве начались национальные конфликты: и украинцы, грузины, русские – все, в общем, некоренные, стали оттуда выезжать. Некоторые, из степных деревень и поселков, бежали почти без имущества, напуганные угрозами перерезать их, сжечь заживо... Большинство оседало в городе, где жили Елтышевы, и было время, как раз году в девяносто третьем, они шерстили учреждения в поисках мест работы. К Валентине Викторовне тоже заходили женщины с умоляющими глазами. «Не возьмете? Я районной библиотекой заведовала... Я в школьной двадцать лет отработала...»

– Хорошо мы там жили, – говорила старушка, – крепко жили. Бор рядом, и не как тут, сухой, а богатый. Груздей, бывало, косою коси. Кадками солили. Пласт груздей, пласт рыжиков, пласт волнушек, потом опять груздей... И жимолость, и брусника. Зайцев полно. Мой силки ставил, всегда с зайчатинкой были. Собаке варила... Этих, тувинцов, почти не было, а какие были, то смирные, работающие... А избы какие оставили! Из листвяка, двести лет им стоять... Сарай, завозни, бани – всё срубы. Сосны рядышком, а нароч-

но листовень везли с Саян, чтоб не погнило... А как эта вся смута-то началась, так и у нас пошло. Сперва по ночам на лошадях насакивали, тащили, что плохо лежит, а потом уж и грабить начали, резать. Одетыми спали последнее время...

Старушка говорила и говорила, не интересуясь, слушают ее или нет, а Валентина Викторовна под монотонно-жалостливый голос прокручивала свою жизнь и пыталась вспомнить, были ли там, в прошлом, моменты, когда чувствовала настоящую, ничем не подтачиваемую надежность, не тревожилась за завтра... Нет, конечно, были такие периоды, и многими годами измеряемые, но сейчас они не вспоминались. Точнее – не вспоминалось это ощущение надежности.

– ...И решили мы выезжать. Всей деревней решили. А дворов под сотню было. Машин мало добро вывозить, у кого что продать, так кому продашь? Куда? Все трогаются... У меня сын с семьей при мне, а дочь давно уж там, в ихней столице, в Кызыле, жила. Теперь в Шушенском... И вот сперва мы к ей, а оттуда уж сюда кое-как. Сын домишко брошенный тут нашел, купил у сельсовета. Подлатал... Обжились. Потихоньку новый дом поставили. Теперь ничего, а первое время ох тяжело было... И тут нас обокрали первым делом, мотоцикл угнали. Прямо с ограды. Так и не нашелся. Сын плакал... А муж-то мой там лежит, в Межегее. Помер в восемьдесят восьмом еще, не увидел всех наших страданий. О-ох... Что с могилкой его, и не знаю. А деревня снится каждую ночь. И бор, и горы, и все... А здесь другое совсем...

Валентину Викторовну из услышанного задели два слова – «машина» и «обокрали»... Надо с Николаем насчет машины поговорить – будет налаживать, не будет? И с гаражом что делать? Продать и то, и другое или как? Что-то надо решать. И воровство... Тетка тоже сколько раз говорила: воруют страшно. Их пока, слава богу, не трогали, но если машину перегонят – вполне ведь могут...

Старушка посмотрела на висящие на стене часы и, вздыхая, поднялась. Нажала кнопку; глухо, как алюминиевый, затренькал звонок.

– Идите на второй этаж, – сказала Валентине Викторовне, – и там по левую руку первая дверь. Звать ее Ольга Петровна.

Ольга Петровна была высокой, крупной, моложавой женщиной. Представительной.

Приняла Валентину Викторовну с приветливой улыбкой, обнажившей металлические коронки на передних зубах. Усадила, предложила чаю.

Мягко, с благодарностью, отказавшись, Валентина Викторовна похвалила школу: уютно, тепло, светло. Сообщила, что сама родом отсюда, но жила в городе. А потом, набравшись духу, спросила, есть ли у них свободное место, добавила: отработала тридцать лет в библиотеке, пять лет из них заведующей, прекрасно знает русскую литературу...

Лицо Ольги Петровны поскучнело, вместо улыбки появи-

лась горестная гримаса, углы губ загнулись, внизу щек появились мешочки.

– Ничем, к сожалению, помочь не могу, – сказала. – Химика у нас нет, но ведь вы же не химик... И я ничего в этих цепочках не понимаю... Нет, все штатные должности заняты. Года бы три назад... Тогда у нас почти никого не было, мне приходилось и историю всю вести, и географию, и труд. А сейчас поняли люди, что нечего им искать лучшего, – хоть и две тысячи зарплата, но лучше, чем ничего... Одна из Захолмова каждый день приезжает, учительница физики, а это двадцать километров почти в один только конец. И вот мотается...

Снова зазвенел звонок. Директор поспешно вскочила:

– Простите, мне на урок. Седьмой класс. Кошмар прямо какой-то – каждый раз сражения.

Валентина Викторовна, кивая, направилась к двери. Директор шла чуть сзади, горевала:

– Совершенно неуправляемые. И ничего на них не действует. Вы же, говорю, сейчас фундамент жизни своей закладываете, ведь с вами там дальше никто нянчиться не будет... Ничего! На ушах стоят, девочки хуже парней. В восьмом, в девятом приходят в себя, но часто поздно уже... У нас школа-то девятилетняя. Лет семь как перереформировали. Бывает, кто хочет полное среднее получить, – или в город едут к родне, или в Захолмово. Двух-трех мы тут до аттестата довели – заочно, так сказать. Комиссия из районо приез-

жала. Экзамены такие, что прямо как в эмгеу. Но ничего, не подвели ребята, сдали. Сейчас, правда, здесь. Денег нет поступать... А насчет работы... Не знаю, что и посоветовать. Совсем с этим неблагополучно у нас. Но если вдруг что, то я, конечно...

Домой вернулась разбитой, выжатой. Будто палками отходили. Хотелось лечь на диван и лежать, лежать.

А дома гостя. Нарядная, лет сорока, светло-русые волосы, располагающее лицо. Даже в таком своем состоянии Валентина Викторовна почувствовала к ней симпатию. Или захотела почувствовать. Может, симпатию не к ней именно, а к той надежности, что от нее исходила.

Гостя сидела за накрытым к чаю столом, напротив нее – Николай. Сына на кухне не было, тетка, как обычно, покачивалась на своей табуретке, смотрела на женщину, не понять – враждебно или с интересом.

– О, вот и Валя! – как-то облегченно обрадовался муж. – С ней надо обсудить...

Гостя метнула на Валентину Викторовну быстрый, но цепкий взгляд, за секунду всю ее осмотрела, оценила и заулыбалась. Приподнялась.

– Здра-авствуйте, Валентина! – подала руку.

Валентина Викторовна неумело пожала ее – здороваться за руку не привыкла. Вернулась к двери, оббила снег с сапог. Стала снимать пальто.

– Это вот соседка наша, – заговорил Николай. – Елена...

М-м?

– Можно без отчества.

– Елена Харина. Они с мужем на соседней улице живут...

– У нас пятеро детей, – подхватила гостья. – Старшему пятнадцать, а младшей, Анюте, три с половиной.

– А всё говорят, рождаемость падает. – Валентина Викторовна включила чайник. – У вас пять детей, у Юрия – шесть. Еще, слышала, помногу есть... А вы местные?

– Да не-ет, вы что! Из Братска. Половина добра еще там.

– Ясно. Что-то одни приезжие. И управляющий, и техничка в школе...

Гостья согласно закивала:

– Приезжих много. И я представляю, каково вам сейчас.

Сами так же... У вас хоть вот бабушка есть. – Короткая улыбка в сторону тети Тани. – А у нас никого знакомых не было. Пальцем ткнули и приехали. Наши корни – и мои, и мужа – с Урала. Родители оттуда. По комсомольской путевке ГЭС строить рванули. А мы теперь оттуда выбираемся. Со всем там... Ни цивилизации, ничего.

Щелкнул, вскипев, чайник. Валентина Викторовна с усилием встала.

– Чай будете?

– Да я уже напилась. А, налейте еще. Вкусно ваш Николай чай заваривает...

– А Артем где? – спросила Валентина Викторовна мужа.

– Ушел. Сказал, погулять.

– Я вот что пришла, – заговорила Елена, дождавшись, когда Валентина Викторовна снова устроилась за столом. – Познакомиться, конечно, но и предложить помощь. Понимаем, как это с нуля почти все начинать... Мы с вашим мужем вот поговорили... Вы ведь строиться, конечно, будете. Как вам здесь всем... – Оглядела тесную, низкую кухню. – Перекантоваться только первое время. Так вот. У нас директор лесопилки в Захолмовом приятель. Доски, брус, горбыль – все может по себестоимости уступить. И насчет цемента есть каналы. Цемент-то вообще бешеные деньги стал стоить! А у нас есть выходы... Бензопилы у вас, вот Николай сказал, даже нет. А как в деревне без бензопилы? Мы можем свою уступить. У нас две. Вторая должна прийти в контейнере в феврале. По-товарищески уступим. Да? И с кормами... Ведь будете же свиней заводить, корову, наверно. Здесь без своей скотины не выжить. Корм тоже помочь можем брать. Так-то с ним беда, а нам удалось контакты наладить. Не знаю, как бы на ноги мы поднялись, если бы все по рыночным ценам пришлось...

У Валентины Викторовны не хватало сил слушать гостью – много сегодня на нее и без этого излилось монологов, вообще тяжелый получился день, – но то, что незнакомый человек вдруг пришел и предлагает свою поддержку, вообще обратил на них внимание, радовало. Тепло стало на душе, забрезжил впереди просвет. Ничего, пройдут эти первые ме-

сяцы, устроятся, смогут... Протянула руку, накрыла ладонью лежащий на столешнице кулак мужа. Сжала ободряюще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.